

РЕЦЕНЗИИ

ОТ ГЁЛЬДЕРЛИНА ДО ЭЛИОТА: ПОЭЗИЯ В ПОИСКАХ СОПРИЧАСТНОСТИ БЫТИЮ. Рецензия на книгу: TAYLOR, CHARLES. COSMIC CONNECTIONS. POETRY IN THE AGE OF DISENCHANTMENT. Cambridge, Massachusetts; London, England: The Belknap Press of Harvard University Press, 2024. 620 p.

Н.К. Полосина

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия; NETalie@yandex.ru

Аннотация: Рецензент высоко оценивает подход к прочтению западно-европейской поэзии XIX–XX вв., предложенный в новой книге англоязычного канадского философа, антрополога и религиоведа Ч. Тейлора «Космические связи. Поэзия в расколдованном мире» (2024). Подход основан на расширении представлений о романтизме, включающем, таким образом, явления поэзии с рубежа XVIII–XIX вв. до символизма и модернизма; автор понимает романтизм как дерзновенное личное мифотворчество, которое своеобразно компенсирует неудовлетворенность «инструментальной рациональностью» («разочарованным миром» М. Вебера) и претендует на создание поэтического видения космоса, пронизанного идеей целесообразности и органически связывающего человеческое и природное, естественное и сверхъестественное. Рецензент полагает, что ряд вопросов, в частности предложенная периодизация «большого романтизма» и подбор имен, могут быть предметом продуктивной дискуссии.

Ключевые слова: романтизм; символизм; модернизм; западноевропейская поэзия; разочарование; мифотворчество; поэтический космос

doi: 10.55959/MSU0130-0075-9-2026-49-03-19

Для цитирования: Полосина Н.К. От Гёльдерлина до Элиота: поэзия в поисках сопричастности бытию. Рецензия на кн.: Taylor, Charles. Cosmic Connections. Poetry in the Age of Disenchantment. Cambridge, Massachusetts; London, England: The Belknap Press of Harvard University Press, 2024. 620 p. // Вестн. Моск. ун-та. Серия 9. Филология. 2026. № 3. С. 220–224.

FROM HÖLDERLIN TO ELIOT: POETRY IN SEARCH OF COMMUNION WITH BEING. Рецензия на книгу: TAYLOR, CHARLES. COSMIC CONNECTIONS. POETRY IN THE AGE OF DISENCHANTMENT. Cambridge, Massachusetts; London, England: The Belknap Press of Harvard University Press, 2024. 620 p.

Nataliia K. Polosina

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia; NETalie@yandex.ru

Abstract: The reviewer gives a highly favourable account of the approach to reading Western European poetry of the 19th and 20th centuries that is proposed in the new book by C. Taylor, an English-speaking Canadian philosopher, anthropologist and religious scholar. The approach is based on stretching the notion of Romanticism from the turn of the 18th and 19th centuries to Symbolism and Modernism within the general framework Romanticism as ambitious personal myth-making. It compensates for the dissatisfaction with “instrumental rationality” (M. Weber’s “disenchanted” world) and aims at creating a poetic vision of a meaningful cosmos that maintains organic connections between man and nature, the natural and the supernatural. The reviewer suggests that there is a number of issues open for fruitful discussion, such as the chronology of the “long Romanticism” and the choice of authors.

Keywords: Romanticism; Symbolism; Modernism; disenchantment; Western European poetry; myth-making; poetic cosmos

For citation: Polosina N.K. (2026) From Hölderlin to Eliot: Poetry in Search of Communion with Being. Taylor, Charles. Cosmic Connections. Poetry in the Age of Disenchantment. Cambridge, Massachusetts; London, England: The Belknap Press of Harvard University Press, 2024. 620 p. *Lomonosov Philology Journal*, no. 3, pp. 220–224.

«Космические связи. Поэзия в расколдованном мире» — новая книга англоязычного канадского философа, антрополога и религиоведа Чарлза Тейлора, известного российскому читателю по переводу книги «Секулярный век» (2007; перевод на русский язык — 2017), посвящена западноевропейской поэзии XIX–XX вв. «Связи» (connections) в заглавии книги характеризуют «космос» как философское понятие, т. е. представление об осмысленной организации мира, которая имеет онтологические, эстетические, но прежде всего этические основания, поддерживая веру в оправданность и целесообразность человеческой жизни. Выстраивание системы отношений и ценностей в процессе обживания космоса для Тейлора как антрополога — это базовая потребность человека; как историк он интересуется ее изменчивостью во времени и пространстве культуры. Эта двойная перспектива отражена в названии книги, где

говорится о поэзии как таковой; непосредственный предмет исследования составляет поэзия конкретной исторической эпохи — эпохи романтизма, которая для Тейлора простирается от Йены 1790-х годов и раннего У. Уордсворта до «Четырех квартетов» Т.С. Элиота. Главные герои его книги — Ф. Гёльдерлин, Новалис, У. Уордсворт, П.Б. Шелли, Д. Китс, Дж.М. Хопкинс, Р.М. Рильке, Ш. Бодлер, С. Малларме, Т.С. Элиот. Романтизм, понимаемый в столь широкой полуторавековой перспективе, отмечен, во-первых, кризисом веры в установленный порядок космических взаимосвязей и, во-вторых, сверхзадачами, которые берет на себя поэзия, выполняя по существу религиозную функцию.

Кризис веры Тейлор связывает с отчуждением человека от природы, которое является прямым следствием утверждения научного типа мышления — «инструментальной рациональности», направленной на каузальное объяснение природы с целью ее использования и подчинения. Отсюда вынесенное в заглавие книги веберовское понятие “disenchantment” (Entzauberung), буквально «расколдовывание» (или «раз-очарование») мира, превращенного в объект, отделенный от мыслящего субъекта, в материю, движимую рационально постижимыми законами. Романтиков не удовлетворяет не только механистическая картина мира, но и связанное с ней рационалистическое отношение к языку как инструменту сообщения и систематизации знания, обоснованное в трудах Гоббса, Локка и Кондильяка. Стремясь к тому, чтобы заново «зачаровать» мир, романтики создают космос, наделенный чертами бесконечного, сверхъестественного, невыразимого, т. е. теми или иными формами трансценденции, которые должны найти адекватное выражение в языке. Исключительные возможности подобного выражения представляет новая концепция языка Гаманна — Гердера — Гумбольдта, питающая не только романтические теории символа (Гёте, Шеллинг, братья фон Шлегель), но и саму поэтическую практику.

Романтизм, таким образом, выступает как некое особое качество, которое приобретает поэзия в «расколдованном» мире. Тейлор предлагает определенную периодизацию. Ранний романтизм вдохновляется представлениями о космосе, освященными традицией и имеющими выраженную пространственную доминанту — универсальный порядок, организующий божественное и человеческое, естественное и сверхъестественное. Таков пантеон Гёльдерлина, соединяющий языческие и христианские черты; всепроникающая одухотворенная сила у Уордсворта («движение и дух, что направляет / Все мыслящее, все предметы мыслей, / И все пронизывает», пер. В. Рогова); привлекавшая Новалиса, Бодлера и других романтиков изощренная мистика «соответствий» между макрокосмосом и микро-

космом; понятие “*inscape*” («внутренней формы») Хопкинса, основанное на учении о форме Аристотеля и Фомы Аквинского. Тейлор настаивает, что романтики (речь идет именно о творчестве, а не о биографии) не реставрируют традиционные формы религиозного мировоззрения, а используют их как источник индивидуального мифотворчества, занимая позицию «эпистемологического отступления» (*epistemic retreat*) — неопределенности, умолчания, а не веры. Эта позиция становится более выраженной у поздних романтиков, для которых сопричастность космосу уже не может быть в полной мере гарантирована тем или иным универсальным порядком, каким бы неортодоксальным он ни был. В их мифотворчестве Тейлор подчеркивает временную доминанту — им необходимо личное переживание полноты бытия здесь и сейчас, чья интенсивность прямо зависит от сознания скоротечности момента «эпифании». Эта линия проходит от экстатической «влюбленности в смерть» при пении соловья у Китса и сатанинской скуки Бодлера, которая оттеняет эпизоды «воспарения», до образов «вечного настоящего» в «Квартетах» Элиота.

Книга Тейлора заслуживает внимания читателя уже тем, что предлагает серьезный разговор о философии поэзии в западной литературе — к сожалению, за годы ревизии канона, поворотов теории в ту или иную междисциплинарную сторону подобные книги стали редкостью. Из актуальных направлений, в которых ищет себя современная гуманитарная теория, книгу можно связать с экокритикой (*Ecocriticism*). Тейлор полагает, что романтический космос с его поиском «соответствий» и «эпифаний» найдет отклик у человека, живущего в атомизированном обществе глобализированной цивилизации и ностальгирующего по органичности и осмысленности взаимосвязей. Следует отметить, впрочем, что актуальность подобного рода скорее декларируется, чем выводится непосредственно из литературного анализа: последняя, шестая глава книги представляет собой социологический очерк этического развития человечества, из чего читатель должен делать самостоятельные выводы об отношении романтической поэзии «к истории и к настоящему» (именно так называется эта глава).

Весьма интересна сама расширенная концепция романтизма, которую предлагает Тейлор: романтизм фактически вырастает до масштабов «долгого» XIX века под знаком квазирелигиозной веры в реальность творчества, основанного на личной интуиции, откровении. Этому посвящены ныне классические исследования М.Х. Эйбрамса, Д. Хартмана, Х. Блума, Ф. Кермоуда, П. де Мана, П. Бенишу, Ж.-Л. Нанси и Ф. Лаку-Лабарта. Подобная трактовка романтизма присуща русской гуманитарной мысли на рубеже XIX–XX веков

(В.М. Жирмунский, А.А. Блок, В.В. Вейдле); получила она развитие и в трудах современных исследователей (В.М. Толмачёв, О.А. Седакова). Возникает вопрос, что в данном случае является оригинальным вкладом Тейлора — например, предложенная периодизация? Получается, что «ранний романтизм» в его понимании соотносится с тем, что принято называть романтизмом в более узком, историко-литературном смысле слова (период 1790–1830-х годов), а «поздний романтизм» — соответственно, с символизмом и модернизмом конца XIX — первой трети XX века. Однако выбранный критерий — противопоставление пространственной и временной доминанты — едва ли можно считать надежным. Можно ли не учитывать веру Уордсворта в спасительную силу «мест времени» (spots of time)? Или однозначно согласиться с тем, что «современниками» Бергсона, благодаря которому в «позднем романтизме» происходит эстетизация обостренного переживания необратимого времени, оказываются не только Бодлер, но и Китс?

Есть вопросы и по подбору имен: почему в изложении Тейлора мифотворчество Гёльдерлина заслуживает целой главы, а не менее оригинальное мифотворчество его старшего современника У. Блейка — лишь нескольких замечаний мимоходом? Не вполне объяснима внутренней логикой и лакуна на месте американского материала (Элиот в книге предстает скорее как европейский поэт), за исключением краткого экскурса о трансцендентализме (в прозе). Удивительнее всего, что отсутствует «Уолт Уитмен, космос, сын Манхаттена» (пер. К. Чуковского) — дело не только в знаменитой самохарактеристике, но и в том, что динамичное видение социального и природного космоса, очевидно, находится в центре творческих интересов американского поэта.

Ряд спорных моментов не умаляет значения книги Тейлора, но показывает, что дискуссия о романтической поэзии и ее философских запросах открыта и продуктивна.

ОБ АВТОРЕ

Наталья Кирилловна Полосина — к.ф.н., старший преподаватель кафедры истории зарубежной литературы филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова; NETalie@yandex.ru

ABOUT THE AUTHOR

Nataliia K. Polosina — PhD, Senior Teaching Fellow, Department of History of Foreign Literature, Lomonosov Moscow State University; NETalie@yandex.ru